

**ОБРАЗ ЦАРЕВИЧА СВЕТОМИРА
И ЕГО МИФОЛОГИЧЕСКИЕ, АГИОГРАФИЧЕСКИЕ, ФОЛЬКЛОРНЫЕ
И ПОЭТИЧЕСКИЕ ПРЕТЕКСТЫ**

© 2015 г. Е. А. Тахо-Годи

Доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН, Россия 121069, г. Москва, ул. Поварская 25а, профессор Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Россия 119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, takho-godi.elena@yandex.ru

**The Image of Prince Svetomir and Its Mythological, Agiographic,
Folklore, and Poetic Pretexts**

© 2015 Elena A. Takho-Godi

Doctor of Philological Sciences, Leading Researcher at the A.M. Gorky Institute of World Literature, 25a Povarskaya Str., Moscow 121069, Russia, Professor at the M.V. Lomonosov Moscow State University, Leninskie gory 1, Moscow 119991, Russia takho-godi.elena@yandex.ru

Статья посвящена “Повести о Светомире царевиче” выдающегося поэта-символиста Вяч. Иванова, замысел которой автор вынашивал с начала 1890-х годов вплоть до своей кончины в 1949 г. В “Повести” автор преимущественно отбирал такие сюжетные ходы, которые по праву можно назвать “международными”. Как показывает анализ, к отбору таких сюжетных ходов Вяч. Иванова подталкивала идея синтеза двух культур – Востока и Запада. Причем этот “синтез” был для него важен и как историософская, и как духовная религиозная перспектива, истоки которой восходят к идеям Вл. Соловьева – “философа русского мессианизма”.

The article is devoted to the *Tale of Prince Svetomir* by famous symbolist poet Vyach. Ivanov, the concept of which the author gestated from the beginning of the 1890s and until his death in 1949. In the *Tale* the author mainly chose such motifs that can justifiably be called ‘international’. The analysis reveals that Vyach. Ivanov was prompted to select such motifs by the idea of synthesis of the two cultures – Eastern and Western. Notably, this ‘synthesis’ was important for him both as a historiosophic and a spiritual, religious perspective stemming from the ideas of VL. Solovyov – ‘the philosopher of Russian messianism’.

Ключевые слова: символизм, “Повесть о Светомире царевиче” Вяч. Иванова, “международные” сюжеты, идея синтеза Востока и Запада, историософские традиции Вл. Соловьева.

Key words: symbolism, Vyach. Ivanov’s *Tale of Prince Svetomir*, the ‘international’ motifs, the idea of synthesis of the East and West, VL. Solovyov’s historiosophical traditions.

Изучение историософских взглядов русских символистов явно осознается в последние годы как одна из актуальных проблем нашего литературоведения. Об этом свидетельствует появление специальных работ, посвященных ведущим представителям этого литературного направления. Не составляет исключение и творчество выдающегося поэта-символиста Вяч. Иванова [1]. Анализ его “Повести о Светомире царевиче”, задуманной в

начале 1890-х годов и ставшим своего рода “духовным завещанием автора”, представляет с этой точки зрения особый интерес. Эту “Повесть” по праву можно было бы назвать “историософским романом”, хотя сам термин остается до сих пор “туманным и размытым” [2, с. 47]. В настоящей статье мы хотели бы показать, как может способствовать выявлению историософской позиции автора анализ сюжетных ходов литературного текста.

Вместе с тем цель настоящей работы и в том, чтобы содействовать комментированию “Повести о Светомире царевиче” Вяч. Иванова в связи с ее подготовкой к изданию в серии “Литературные памятники”. Создание адекватного комментария к “Повести” – задача хотя, несомненно, увлекательная, но и сверхсложная. Текст Вяч. Иванова нуждается практически в пословном комментировании, причем уследить за прихотями авторского сознания чрезвычайно трудно, так как при создании “Повести” Вяч. Иванов легко переплавляет в своем художественном тигле автобиографическое, мифологическое, историко-культурное, литературное в единое неразрывное целое. В настоящей работе для рассмотрения нами выбраны в первую очередь те эпизоды из “Повести”, которые не были затронуты в очень интересной и информативно-насыщенной книге А.Л. Топоркова «Источники “Повести о Светомире царевиче”: древняя и средневековая книжность и фольклор» [3]. При этом мы ограничимся примерами, связанными с образом главного героя – Светомира.

* * *

В начале “Повести о Светомире царевиче” говорится о том, почему – по мнению “простецов” – князя Горынские получили такое наименование: тут и убиение святым Егорием-Георгием змея, и рождение детей от змей сестрами Егория, и сказочный Змей Горыныч, от которого якобы “как и в еллинских баснословиях сказуется зубов драконовых посеяв, что исполинов-извергов возростил. Сим убо Кадмовым волотам подобно, своею же и те истребились яростью, брат брата боря” (I, 2:7–8)¹. Казалось бы, проблем с комментированием тут не должно быть: Вяч. Иванов сам раскрывает свои карты, причем вроде бы отрицает все языческие “баснословия” в пользу христианской версии, что Горынские пошли от “внучатого племянника Егорьева Горыни-богатыря с двумя сынами” (I, 2:3). Однако есть основание подозревать, что Вяч. Иванов на самом деле не отказывается от “еллинских баснословий” и упоминание о Кадме – легендарном первом царе Греции – на первых же страницах “Повести о Светомире царевиче” для него имеет особый смысл.

Как известно, Кадм по совету богини Афины убивает дракона, сеет в поле его зубы, из них тут же вырастают богатыри, от которых остается в живых пятеро. Это так называемые “спарты”, от

которых вели свою родословную знатнейшие обитатели Фив – города, возникшего вокруг Кадмеи, заложенной Кадмом и спартами. Казалось бы, для интерпретации ивановской “Повести о Светомире царевиче” миф этот никак не работает. Но если мы так решим, то, боюсь, окажемся как раз теми “простецами”, над которыми иронизирует автор. Чтобы этого избежать, надо обратить внимание на другой эпизод, весьма далеко отстоящий от начала. В 4-й книге, в главе XI, изображая беседу двух родичей, двух князей Горынских – Владаря и “Радивоя, князя Горынского, Констанина града кесаря нареченного” (III, 2:12), – о судьбе Светомира, Вяч. Иванов пишет: «Не ведал о Жихоровом сыске Радивой; но аки вещей слепец Тиресий, прорицатель еллинский, стал пред владыкою и провещал: “О спасении Светомировом промыслить настает нужда”» (IV, 11:1). Случайно ли сравнение слепого Радивоя со слепым Тиересием? – думаю, что нет. Кто такой Тиресий? – он не только сын одного из пятерых “спартов” Удея и нимфы Харикло, не только слепец, обладающий, благодаря Афине, даром провидения, но один из первых, судя по трагедии Еврипида “Вакханки”, кто стал проповедовать в Фивах нового бога Вакха-Диониса – рожденного Зевсом от дочери Кадма Семелы. Если бы создателем “Повести о Светомире царевиче” не был автор “Диониса и прадионисийства”, то сравнение Радивоя с Тиресием было бы лишь сравнением. Но в ивановском тексте оно дает основание предположить, что излюбленный “дионисийский” пласт, хотя и не явно, все-таки присутствует и в этом ивановском произведении и что дальнейшая судьба Светомира – его смерть и пробуждение – связана в сознании Вяч. Иванова и с древним культом “страждующего, гибнущего, воскресающего Диониса” [4, с. 309]. Тогда новый смысл приобретает задуманная Вяч. Ивановым (и известная нам по изложению С.К. Маковского) отправка Светомира на Восток, в Индию, “на обучение к мудрейшему Иоанну, в далекой Индии пресвитеру” (Цит. по: [3, с. 62]) и его последующие странствия. Ведь и Дионис, отданный Зевсом через Гермеса на воспитание нисейским нимфам (Eur. Bacch. 556–559) или сестре Семелы Ино (Apollod. III 4, 3), скитался по Египту, Сирии, Фригии и оттуда, получив исцеление, через Фракию отправился в Индию (Apollod. III 5, 1), и лишь потом из восточных земель (из Индии или из Лидии и Фригии) возвратился в Грецию, в Фивы, а вместе с тем занял место среди олимпийских богов.

* * *

Из этого, однако, вовсе не следует, что ивановский Светомир может быть полностью сведен к Дионису или к Дионису-Распятому (на что все

¹ “Повесть о Светомире царевиче” цитируется по тексту, подготовленному к изданию в серии “Литературные памятники” и любезно предоставленному А.Л. Топорковым. Римской цифрой указывается номер книги, арабской – глава и страницы.

время намекают евангельские отсылки и в какой-то мере его имя “Свет миру” – сравни “Свет Христов просвещает всех”, III, 10: 13). Это лишь, если воспользоваться выражением Эллиса, “смутное мерцание” Великого Перво-символа². Но при создании образа Светомира Вяч. Иванов, конечно, не ограничивается им одним. Подтверждением тому служит, например, его письмо от 1 октября 1946 г. английскому филологу-классику, оксфордскому профессору Сесилу Морису Бауру (1898–1971), где русский поэт-символист говорит, что книга С.М. Бауры “От Виргилия к Мильтону” [6], вышедшая в свет в 1945 г., представляет для него “особый интерес” в связи с его работой над повестью о Светомире, которая, может быть похожа «по намерению на “Артуриаду” Мильтона» (Цит. по: [7, с. 146])³.

Посвященная легендарному английскому королю Артуру поэма Джона Мильтона, о которой упоминает в своем письме Вяч. Иванов, не была написана: о ее замысле исследователи знают из стихов самого Мильтона – из его эпистолы к Мансо и латинской элегии 1639 г. “Эпитафия Дамону”. Не являлась “Артуриада” и центральной темой в книге С.М. Бауры, чье внимание сконцентрировано было на более известных эпических текстах: “Энеида” Виргилия, “Лузиады” Л. де Камознса (где, кстати, действует Вахх, который, как властитель Индии, тщетно стремится помешать Васко да Гамо добраться до ее берегов), “Освобожденный Иерусалим” Т. Тассо и мильтоновский “Потерянный рай”. Несомненно, что Вяч. Иванову и до знакомства с книгой С.М. Бауры были известны ключевые эпизоды эпоса о короле Артуре. Тем более, что в эпоху русского символизма существовал общий интерес к этой теме, о чем свидетельствуют и переводы (к примеру, выход в 1903 г. в переводе О.Н. Чюминой основанных на артуровском эпосе “Королевских идиллий” Альфреда Теннисона, прославляемого К.Д. Бальмонтом⁴ как одного из предвозвестников символизма), и оригинальные стихи на сюжеты сказаний об Артуре (сошлюсь на балладу В. Брюсова “Смерть рыцаря Ланцелота”). В 1916 г. Вяч. Иванов сам пишет стихотворение “Мерлин”, восходящее к тому же эпосу (см.: [10, с. 8]).

² “Всякий символист знает это сжигающее стремление к постижению Великого Перво-символа; быть может, смутное мерцание Его и служит полусознательным мотивом к построению всех других символов”, – писал Эллис (см.: [5, с. 194]).

³ Подробнее об отношениях Вяч. Иванова и С.М. Бауры и об их переписке 1946–1949 годов (см.: [8]).

⁴ О переводах К.Д. Бальмонта из А. Теннисона (см.: [9, с. 150–153]).

Можно, конечно, воспринять слова Вяч. Иванова из письма к С.М. Бауре как просто попытку объяснить свой замысел на понятном собеседнику языке и не более того. Однако в “Повести о Светомире царевиче” мы находим действительно схожие ситуации с артуровским эпосом: любовь Владаря к жене Симеона Управды Гориславе сопоставима не только со страстью библейского царя Давида к жене Урии, Вирсавии, но и со страстью отца Артура, короля Утера Пендрагона, к Игрэйн, супруге герцога Горлойса; отправка Светомира в чудесную страну на воспитание пресвитеру Иоанну напоминает о передаче младенца Артура на воспитание волшебнику Мерлину; чудесное обретение стрелы Светомиром заставляет вспомнить историю о том, как Артур смог извлечь из камня воткнутый в него меч, что дало ему право на королевский трон, или как благодаря Мерлину он получил от Владычицы Озер новый волшебный меч Экскалибур и возвратил его обратно перед смертью; сон Светомира в хрустальном гробу в ожидании пробуждения – мнимую смерть Артура, которая (как и в легенде о Фридрихе Барбароссе) на самом деле не смерть, но лишь сон: Артур спит на острове блаженных, на Аваллоне, ожидая дня, когда придет пора “совершить великие подвиги на благо своего народа” [11, с. VI].

Любопытно в таком контексте обратить внимание и на общий “драконий след” в родословных Светомира и Артура. Как я уже отмечала, у Вяч. Иванова простецы думают, что род Светомира ведет свое начало от Змея-Горыныча, то есть, по сути, от дракона. Прозвище отца Артура, короля Утера, – “Пендрагон” – возникает, по одной из версий, после того как, увидев на небе напоминающую дракона комету, Утер решает изобразить дракона на своем знамени и назваться “Пендрагоном”. Действительно, “в Англии до нормандского завоевания дракон был главным среди королевских знамен на войне, введенный в таковом качестве Утером Пендрагоном, отцом короля Артура”⁵, хотя «слово “драгон” [т.е. дракон. – Прим. перев.] является не частью его имени, а титулом, означющим “предводитель войска»» (см.: [12]).

* * *

Но параллелями с эпосом о короле Артуре создаваемый Вяч. Ивановым миф о Светомире тоже не исчерпывается. Гораздо больше параллелей в повести с другими сказаниями другой страны.

⁵ В цитируемой статье “Dragon” из “Encyclopaedia Britannica” читаем: “In England before the Norman Conquest, the dragon was chief among the royal ensigns in war, having been instituted as such by Uther Pendragon, father of King Arthur”.

В воспоминаниях о Вяч. Иванове Борис Зайцев, на первый взгляд, весьма невнятно пытается пересказать содержание повести, о которой он услышал от автора весной 1949 года. "Не помню содержания поэмы – нечто фантастическо-символическое, как будто связанное с Древней Сербией – какой-то король... – не настаиваю, боюсь ошибиться" [13, с. 194], – извиняется Б.К. Зайцев, поясняя, что главным для него в этот момент была не "поэма", а сама возможность встречи с Вяч. Ивановым. Пассаж Б.К. Зайцева о Светомире легко счесть aberrацией памяти, полной путаницей – ведь он говорит о поэме, а не о повести, о Древней Сербии, а не о Древней Руси. Можно отмахнуться от этой фразы или просто привести ее как курьез⁶ – и упустить очень интересный момент.

Английскому профессору С.М. Бауру Вяч. Иванов объясняет свой замысел, отсылая его к знакомому ему эпическому материалу. Можно предположить, что и в случае с Б.К. Зайцевым, для того чтобы объяснить за несколько минут сюжет произведения, он должен был поступить аналогично: также опереться на то, что собеседнику должно было быть наиболее понятно и знакомо. Какой же это мог быть сюжет?

Как известно в ивановской повести судьба Светомира-Серафима должна была быть связана с острой горой, с Афоном, с делом Пресвятой Богородицы. "Скорбел Серафим и продолжал свое странствие, пока не нашел убежища в монастыре на острой, у моря, горе и стал там жить послушником" – так со слов О. Шор передает дальнейшее развитие повести С. Маковский (Цит. по: [3, с. 62]). За двадцать лет до встречи в Риме весной 1949 г., в 1928 году, как раз в тот год, когда Вяч. Иванов вернулся к своему дореволюционному замыслу о Светомире, в Париже вышла книга путевых очерков Б.К. Зайцева, посвященная Афону, где в главке "Пантократор, Ватопед и Старый

Руссик" автор говорил о тесной связи с Сербией и сербскими "крялями" Афона и его монастырей – "нашего Пантелеймонова монастыря", которому в годы монгольского ига "родственные сербы заменяют временно утерянную родину", отчего с XIV по конец XV века "монастырь становится как бы сербским", а также старого Руссика с его "древнюю башню, главную святыню монастырька, откуда некогда царевич сербский Савва, впоследствии прославленный святой, сбросил посланным отца царские свои одежды, отказавшись возвратиться во дворец" [15].

О своей книжке про Афон Б.К. Зайцев упоминает в письме Вяч. Иванову от 9 января 1939 г., посылая ему в подарок книжку 1936 года о "русском Афоне" – о Валааме⁷. Благодаря Б.К. Зайцеву за "верную память", за "чудесную, родниковую книжку" и выражая желание "встретиться и поговорить <...> о былом и о поэзии, о жизни и о Боге", Вяч. Иванов в письме от 28 марта 1939 г. признавался: «Из Ваших работ новых знаю не много: после жития преп. Сергия, только отрывки из Вашего "Глеба" – мало, что до нас, в Рим, доходит» [17, с. 290]. Судя по тому, что книга Б.К. Зайцев "Преподобный Сергей Радонежский" вышла в Париже в 1925 г., а "Путешествие Глеба" – в Берлине, в 1937 г., Вяч. Иванов с зайцевской книгой об Афоне знаком не был (ее нет и в каталоге его личной библиотеке), однако об истории Афона и его знаменитых святых он, конечно, знал из других источников.

А теперь обратим особое внимание на фразу из его письма к С.М. Бауру, излагающую сюжет "Повести", который, по словам Вяч. Иванова, есть "житие мощного царя и его святого сына". В ней тот ключ, который позволяет ответить на вопрос, почему в мемуарах Б.К. Зайцева появляется Древняя Сербия. Именно так одной фразой можно изложить житие знаменитого сербского святого – святителя Саввы и его отца великого жупана Сербии Стефана Неманя: совсем юным Растко (Ростислав) покидает отцовский дом, увлеченный рассказом русского монаха, выходца с Афона, отправляется на Святую гору и становится там послушником. Напрасно пытается отец, король Стефан, вернуть сына в мир – легче было создать из разрозненных земель сильное сербское государство. Вопреки отцовской воле сын становится монахом Саввой, а через годы его приме-

⁶ Именно в таком качестве и приводит этот текст сын поэта, Д.В. Иванов: «Русских в Риме было очень мало, и мало на ком, кроме семейной, всегда внимательно-радостной аудитории, можно было испробовать свеженарисованные странички. Чтобы до конца почувствовать повесть, нужно было не спеша войти вслед за автором в ее мир, прислушаться к звучащим или молчащим в ней голосам. Когда в свите какого-то зажиточного приятеля приехал в Рим на короткий срок Борис Зайцев, Вячеслав предложил ему послушать "Светомира". Но заезжий приятель слушал рассеянно и все больше волновался, что опоздает на свидание со своим спешащим далее куда-то другом. От "Светомира" у него осталось впечатление сумбурное: "нечто фантастическо-символическое, как будто связанное с древней Сербией, какой-то король..." – записывает он в своих воспоминаниях» [см.: 14, с. 304].

⁷ Письмо Б.К. Зайцева Вяч. Иванову от 9 января 1939 г. (см.: [16, с. 162]). В личной библиотеке сохранился экземпляр книги с дарственной надписью: "Вячеславу Иванову, прекрасному поэту, дружески и почтительно Бор. Зайцев. 9 янв. 1939. Париж" (см. книгу на сайте: http://www.v-ivanov.it/wp-content/uploads/zajcev_valaam_1936.pdf).

ру последует и сам Стефан. Приняв монашеский постриг и имя Симеона⁸, он вместе с сыном создаст один из древнейших афонских монастырей – Хиландар. Лишь после смерти Симеона святой Савва возвратится на родину, чтобы спасти ее от междоусобицы, а потом отправляется в паломничество на Восток, в Святую землю, дойдет до Персии и Царьграда и умрет на обратном пути [18, с. 345–380]⁹.

В таком контексте уже не удивляет то, что в воспоминаниях Б.К. Зайцева в связи с разговором об ивановской “Повести о Светомире царевиче” вдруг возникает Сербия. Знаменательно, что и сам Вяч. Иванов дает героям “Повести” южнославянские имена: главного героя зовут Светомир, а его державного отца – Владарь. Последнее имя по-сербски (без мягкого знака) означает не что иное, как правитель.

Памятование о житии святого Саввы, а не только о Царевиче Иосафе, может быть уместным и при истолковании важного для истории создания “Повести” стихотворения “Виноградарь”, начатого, по свидетельству О. Шор, “в Сочи, в октябре 1916 г.” [20, т. IV, с. 716], когда Вяч. Иванов общался с поселившимися в Красной Поляне монахами, высланными с Афона по имяславскому делу (об Афоне заставляла вспомнить сама география – близость к Сочи Нового Афона).

Интерес Вяч. Иванова к Сербии и ее истории восходит к концу 1880-х годов, когда он был одним из сотрудников созданного в Берлине осенью 1887 г. Г.С. Веселитским-Божидаровичем корреспондентского “ArcBureau” [21, с. 315]. Гавриила Веселитский-Божидарович был “потомком сербских князей Божидаровичей, переселившихся в Россию при Екатерине Великой” [21, с. 293], участвовал в сербско-черногорской войне с Турцией в

1876 г. [21, с. 294], а в 1888 г. писал корреспонденции для газеты “Московские Ведомости”, в том числе и о Сербии и связанными с ней политическими событиями [21, с. 314, 342]. Недаром и в марте 1889 г. Вяч. Иванов вместе с Г.С. Веселитским-Божидаровичем, как фиксирует в дневнике первая жена Вяч. Иванова, “о славянстве – мечтали” [22, с. 52] (замысел “Повести” возник спустя пять лет, в апреле 1894 г. [23, с. 33]).

Стоит, наверное, напомнить и о сербских корнях второй жены Вяч. Иванова – Зиновьевой-Аннибал, чей образ явно просматривается в одной из героинь “Повести”, в Гориславе. “В ней текла кровь сербских князей Зиновичей” [24, с. 42], – пишет С.С. Аверинцев, так как существует предание о происхождении Зиновьевых/Зеновичей от деспотов сербских. Вероятно, отсюда акцентирование О. Шор в примечаниях к посвященному Зиновьевой-Аннибал дионисийскому по сюжету стихотворению “Менада” его “сербской формы” (при чтении Вяч. Ивановым этого стихотворения “звуки и ритмы песни (по форме сербской) вызывали в слушателях <...> переживание ужаса и восторга античных мистерий” [20, т. II, с. 699]).

В “Повести” св. Савва Сербский оказывается “двойником” не только послушника Светомира/Серафима, но и святого Егория (Георгия) как покровителя волков. Связь св. Саввы со св. Егорием уже отмечалась в книге А.Л. Топоркова [3, с. 231]. Не исключено, что Вяч. Иванов мог быть знаком с работой Веселина Чайкановича “Студије из религије и фолклора”, опубликованной в 1924 г. [25], где была специальная глава “Святой Сава и волки”, в которой В. Чайканович писал, что “по древним поверьям сербского народа” является “волчьим божеством”, он – “волчий пастух” (Цит. по: [26, с. 155]). Работы В. Чайкановича могли заинтересовать Вяч. Иванова тем, что В. Чайканович как филолог-классик, обратившись к фольклору, пытался выявить, в том числе, и сходства между сербской и греческой мифологией. По В. Чайкановичу, св. Савва не только занимает место “древнего сербского бога нижнего мира” [26, с. 156]. Св. Савва “представляет собой божество мертвых” и потому “имеет то же значение и те же функции, что и греческий Гермес, германский Водан, галльский Диспатер, славянский Велес, индийский Яма” [26, с. 156]. Но одновременно, помогая людям в создании материальных благ, научая их пахать, ткать, ковать железо, строить мельницы и т.д., он выполняет те же функции, что и такие языческие божества, как Дионис, Орфей, Осирис, Деметра, Водан, Донар, которые, странствуя по миру, борются с остатками первобытного хаоса [26, с. 152].

⁸ Память отца св. Саввы, преп. Симеона Мироточивого, отмечается 13 февраля (по ст. ст.), т.е. в канун дня рождения Вяч. Иванова 16 февраля. В ходе обсуждения доклада, легшего в основу этой статьи, в феврале 2014 г. на конференции «Вячеслав Иванов и его время. Поэтика “Повести о Светомире царевиче”» в ИМЛИ РАН, А.Б. Шишкин обратил внимание на то, что монашеское имя св. Саввы, вероятнее всего, было связано со св. Саввой Освященным, что могло быть особенно важно для Вяч. Иванова в римский период его жизни, так как он был прихожанином древней базилики св. Саввы Освященного. О любви Вяч. Иванова к этому храму свидетельствуют и воспоминания его сына (см.: [14, с. 302]), и стихи самого поэта:

В стенах, ограде римской славы,
На Авентине, мой приход –
Базилика игумна Саввы,
Что Освященным Русь зовет.

⁹ Житие св. Саввы было написано его учеником Хиландарским иноком Дометрианом [19].

* * *

В ивановской “Повести” обнаруживается немало отсылок к сербскому эпосу, в том числе к образу Змея Огненного Волка [3, с. 244]. Судя по книгам, сохранившимся в его римской библиотеке, он собирал работы, связанные со славянским фольклором (например – [27; 28]). Нельзя исключить его знакомства и с изданием памятников сербского героического эпоса в переводе исследователя сербского эпоса Николая Михайловича Гальковского (1868–1933), вышедшее в 1916 г. в издательстве М. и С. Сабашниковых [29]¹⁰ (выпущенный при его участии в 1897 г. том “Сербский народный эпос” [31] был в 1901 г. выдвинут на Пушкинскую премию Академии наук). Содействовать ивановскому интересу к сербской истории и фольклору в конце 1920-х годов, когда он возвращается к работе над “Повестью”, мог и ряд причин как общественно-политического, так и чисто биографического плана.

Во-первых, в 1928–1929 годах в Сербии происходят громкие политические события: 20 июня 1928 г. на заседании скупщины сербский националист П. Рачич застрелил двух хорватских депутатов и смертельно ранил лидера Хорватской крестьянской партии С. Радича, 6 января 1929 г. король Александр I Карагеоргиевич совершил государственный переворот, отменил конституцию 1921 г., распустил скупщину, запретил все политические партии и в октябре 1929 г. переименовал государство в Королевство Югославия.

Во-вторых, именно в это время Вяч. Иванов намеревается преподавать сербский язык. 6 декабря 1928 г. он сообщал в письме к сыну, что ему обещано ректором на будущий год преподавание в Павии сербского [32, с. 588]. Правда, занятия эти так и не состоялись – в письме к О.А. Шор и Л.В. Ивановой от 12 июня 1929 г. он извещал об “освобождении от сербского языка” [33, с. 369]. Среди заказанных им книг в это время под номером 49 числится “Словарь сербско-французский” [33, с. 339].

В-третьих, в Сербию эмигрировали близкий еще со времен “башни” друг Вяч. Иванова, в прошлом ученик А.Н. Веселовского, знаток славянского фольклора Е.В. Аничков (в римской библиотеке Вяч. Иванова хранятся оттиски его статьи

¹⁰ Издательство предполагало также выпустить “Сербскую народную лирику” в переводе Н.М. Гальковского и “Сербские песни” в переводе А. Бородина: “Обе рукописи сохранились в автографах переводчиков, а переписка с ними помогает определить время написания: перевод Бородина датируется 1915, а рукопись Н.М. Гальковского 1918 г.” [30].

“Последние работы по славянским религиозным древностям” и книга “Западные литературы и славянство” [34; 35]). Именно Е.В. Аничков познакомил Вяч. Иванова со своим студентом из Белградского университета И.Н. Голенищевым-Кутузовым [36, с. 481–482]. Последнего Вяч. Иванов как раз и думал привлечь к преподаванию в Павии сербского языка. В письме к О.А. Шор от 29 июля 1929 г. он писал об этом так: “Илье Ник<олаевичу> (Голенищеву-Кутузову. – Т.-Г.) большой привет. Скажите, что я писал о нем Степуну и послал стихи его. А ему все собирался писать о серб<ском> яз<ыке>, но так и не собрался, пока в унив<ерситете> думали, теперь отложили” [33, с. 380].

С И.Н. Голенищевым-Кутузовым Вяч. Иванов лично общается летом 1927 г. и 1928 г. в Риме, а именно в эти годы И.Н. Голенищев-Кутузов активно работает над либретто пятиактной оперы по мотивам сербского эпоса о жившем в XIV в. Марко Кралевиче. В письме от 3 декабря 1928 г. он сообщал Вяч. Иванову, что переделывает русское либретто “Королевича Марко” в пьесу по-сербски, а само либретто уже передал жившему в Дубровнике польскому композитору Ладомури Михалу Роговскому, который пишет к нему музыку «“божественную и демоническую”, но чуждую романтизму» [37, с. 246] (полный текст либретто сохранился в архивном фонде композитора в Дубровнике [37, с. 335]).

Рассказы И.Н. Голенищева-Кутузова о работе над либретто о Марко-Королевиче могли актуализировать внимание к сохранившейся в его римской библиотеке книге “Поэзия славян”, выпущенной в 1871 г. под редакцией Н.В. Гербея [38], куда вошли сербские и болгарские песни о Марко-Королевиче.

Легендарная история рождения Марко перекликается с историей “змеино-го генезиса” предков Светомира, князей Горынских. Как отмечал В.М. Жирмунский, “в одной песне (Петранович, III, № 24, “Милош Обилич змајски син”, стр. 255–256) называется семь сербских юнаков-змеевичей: Милош Обилич, Змей Огненный-Вук, Реля Бошнянин, Банович Секула, Банович Страхиня, Лютица Богдан и Кралевич Марко (“И нъему је змај огнени бабо”), и “все они имеют на себе змеиный знак” (“сваки имај змајеву бильегу”), что дает основание “считать, что эта сказочная черта обязательна для каждого настоящего юнака старого времени и объясняет его чудесную силу” [39, с. 98].

При этом судьба Марко, как и царевича Растко (св. Саввы Сербского), а затем и ивановского

царевича Светомира, связана с Афоном. В песне “Марко-Королевич и Мина из Костура” Марко совершает паломничество на Святую гору, где не только исповедуется, причащается, но и отпускает бороду, надевает монашескую одежду и в таком неузнаваемом виде является назад, чтобы отомстить своему обидчику-мусульманину. А в песне “Смерть Марка-Королевича” тело уснувшего вечным сном героя по воле Божией суждено найти афонским инокам “из церкви Вилиндары / Проигумну святогорцу Васу / Со своим прислужником Исаем” [38, с. 83 (перевод Н. Берга)]. Благодаря им Афон становится не только местом паломничества, но и захоронения Марко в основанном Саввой Сербским древнем Хиландарском монастыре, название которого в песне подверглось переосмыслению (вилиндар – дар вилы, т.е. вещей девы лесов и вод):

На коня к себе кладет он Марка,
С мертвым Марком едет к синю морю,
На ладью у берега садится,
Едет с Мароком на Святую гору,
К Виландаре церкви подъезжает,
Вносит тело во святую церковь,
Панихиду служит по усопшем
И хоронит Марка средь церкви,
Безо-всякой надписи и камня,
Чтобы место, где схоронен Марко,
Недруги его не распознали
И над ним по смерти не глумились [38, с. 83].

Но Марко схоронен “безо-всякой надписи и камня” еще и потому, что герой – по законам мифологическим – умереть окончательно не должен. Недаром в той же песне Марко, готовясь навеки уснуть (по другой версии, он убит золотой стрелой в уста¹¹), не только убивает своего верного коня, ломает саблю, боевое копьё, чтобы они не достались врагам, но забрасывает свою боевую палицу (буздыган/шестопер) в море с обещанием: “Как ты выйдешь, буздыган, из моря, / Народится молодец удалый, / Молодец такой же, как и Марко” [38, с. 83] (перевод Н. Берга), что в более точном переводе Н. Заболоцкого¹², чем у Н. Берга, звучит так:

Взял он шестопер рукою правой
И метнул его с горы Урвины,
В море синее его забросил,
И промолвил Марко шестоперу:
Лишь когда ты выплывешь на сушу,
Новый Марко на земле родится [41, с. 67].

Именно этот эпизод из песни о смерти Марко-Королевича, по мнению В.М. Жирмунского, за-

ставляет вспомнить о короле Артуре, о котором «также рассказывалось, как накануне последней битвы, предчувствуя свою неминуемую гибель, он приказал бросить свой боевой меч Эскалибур в озеро, из которого когда-то чудесным образом достал его (“Смерть Артура”» [39, с. 104]¹³. В то же самое время “предание, что Марко Кралевич не умер, но скрылся в горную пещеру или на остров вместе со своим конем и что придет час его возвращения”, напоминает, по словам В.М. Жирмунского, не только о короле Артуре, унесенном «феями на “остров блаженных” Аваллон», где, он, “погруженный в волшебный сон, ждет возвращения к своему народу, когда наступит час его освобождения” [39, с. 105], но и о многих других аналогичных мессианистических легендах, в том числе о тех (о немецком императоре Фридрихе, “скрывающемся в горной пещере на Кифгейзере, с пробуждением которого связывалась надежда на восстановление былого величия Германии, легенды о Карле Великом”), на которые указывал в “Опытах по истории развития христианской легенды” А. Н. Веселовский [43, с. 48 и сл.]. При этом нельзя не отметить, что сходство посмертной судьбы Марко с Фридрихом Барбороссой, Карлом Великим, с героем Калевалы или нашим Ильей Муромцем еще до А.Н. Веселовского отметил О. Миллер в статье “О славянских народных песнях” в начале собранного Н.В. Гербелем сборника [44, с. 25]. В нашем же контексте особо примечательно, что аналогичная легенда была связана и с чешским святым королем Вячеславом, чье имя носил автор “Повести о Светомире царевиче” и который, в соответствии с легендой, “сидит со своими рыцарями в горе Бланике, или в Белой горе у Праги, или в горе Вышкобере, наконец около Мельника” [39, с. 105, 43].

* * *

Не отрицая роли прямых влияний, В.М. Жирмунский подчеркивал, что в эпосе “некоторые черты типологического сходства подсказаны аналогичной ситуацией и героической трактовкой” [39, с. 104], что “подобного рода мессианистические легенды слагались в разное время у народов, находившихся под чужеземным владычеством” [39, с. 105], что эпос “вдохновляется памятью народа о своем прошлом, а не чужеземными литературными образцами” [39, с. 158]. Исходя из этого он уточнял высказанное в 1884 г. в работе “Южнорусские былины” положение А.Н. Ве-

¹¹ Это зафиксировано и в словарной статье о Марко в Энциклопедическом словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона.

¹² О переводах Н. Заболоцким сербского эпоса (см.: [40]).

¹³ При этом В.М. Жирмунский спорит с М.Г. Халанским, видевшим в этой сцене заимствование из “Песни о Роланде” (см.: [42, с. 144–147]).

селовского о том, что “народный эпос всякого исторического народа по необходимости – международный”, и подчеркивал, что «героический эпос не “мигрирует”, как сказка: для того, чтобы он мог сделаться “международным”, необходимы в каждом конкретном случае какие-нибудь особые социально-исторические условия» [39, с. 169].

Закономерно задаться вопросом: а что подталкивало Вяч. Иванова к отбору именно таких – “международных” – сюжетных ходов? (Связь “Повести” с русским эпосом, в том числе со “Словом о полку Игореве”, подробно анализируется в книге А.Л. Топоркова.) Конечно, это и “особые социально-исторические условия” – социальное и духовное иго большевизма над русским государством, но и давняя ивановская идея, выраженная в первоначальном плане “Повести” 1894 года (“Комедия о славных мужех Владаре и Боривое и Владаревом сыне Светомире”) так: “Синтез средневековых западных и восточных представлений” [23, с. 33]. Причем этот “синтез” был для Вяч. Иванова важен, прежде всего, с духовной, религиозной точки зрения, истоки которой восходят к идеям Вл. Соловьева.

Напомню эпизод из книги 3, когда “в церкви за службою, как отворили царские врата, нашел на Светомира столбняк. Наставить хотел сына Владарь, когда на колени становиться положено; но окоснелым его увидел и бесчувственным; омертвел лик его, будто восковым стал, и очи, широко раскрытые, остеклели”.

И искусился о нем, и подумал: “Взят ныне дух его из тела его. Но в горня восхощаемый не чужаком ли на земле будет? Как таковому над людьми царствовать?” (III, 17:5–6).

В этом эпизоде надо обратить особое внимание на то, что дух Светомира восхощается в горние края при открытии Царских врат. Это важно потому, что отсылает нас к значимому для Вяч. Иванова тексту Вл. Соловьева, к его поэме “Три свидания”. Я имею в виду описание “первого свидания”, когда во время церковной службы в праздник Вознесения открывается алтарь, распахиваются Царские врата и девятилетний отрок перестает слышать и видеть все вокруг: священника, дьякона, молящихся людей. Он потрясен видением Софии, а окружающие мнят его странным – если не юродом, так глупцом:

Алтарь открыт... Но где ж священник, дьякон?
И где толпа молящихся людей?
Страстей поток, – бесследно вдруг иссяк он.
Лазурь кругом, лазурь в душе моей.

Пронизана лазурью золотистой,
В руке держа цветок нездешних стран,
Стояла ты с улыбкою лучистой,
Кивнула мне и скрылася в туман.

И детская любовь чужой мне стала,
Душа моя – к житейскому слепу...
И немка-бонна грустно повторяла:
“Володинька – ах! слишком он глупа!” [45,

с. 126]

Вяч. Иванов умалчивает о том, что созерцает Светомир в момент видения, но то, что перед нами вполне сознательная аллюзия, несомненно, особенно если мы вспомним о софиологическом аспекте финала “Повести” – недописанного, но предсказанного в той же третьей книге “Повести”: о Царь-Девине, о Деве Света, которая вселится в Светомира и во образе Белого Царя “восцарствует над всею землею” (III, 10:16).

Воспетая Вл. Соловьевым София-Премудрость Божия – еще один “двойник” Светомира не менее важный и не отменяющий другие, потому что все они – в той или иной мере – отражают метафизическую мечту о преобразении мира, о идеальном правителе и о небесном Граде. “Когда приблизится чаемое царство, когда забрезжит заря Града Божьего, избранные и верные Града вспомнят о Соловьеве, как об одном из своих пророков” [46, с. 44], – утверждал сам Вяч. Иванов.

Вот почему возникает в “Повести аллюзия на стихи Вл. Соловьева – “образователя наших религиозных стремлений, лирика Орфея” [46, с. 34], “рыцаря-монаха”¹⁴, который, по словам Н.А. Бердяева, всегда противопоставлял мужественный “универсальный Логос власти национальной стихии” – “стихии женственной”, и был идеологом духовного синтеза “Востока” и “Запада”, необходимого “соединения двух односторонних правд в высшей полноте, как взаимовосполнение” [47, с. 110]¹⁵, “философом русского мессианизма” [47, с. 120], тоскующим по соединению церковью, считавшим, что “великая миссия России – преодолеть любовью и самоотречением грех тысячелетней распри Востока и Запада, победить вражду, всего более препятствующую делу Христову на земле” [47, с. 110]. Вот почему строки из предсмертного соловьевского стихотворения “Дракон”, сопрягающего воедино современные политические события и древний немецкий эпос, вполне можно было бы поставить эпиграфом к ивановской “Повести” о царевиче-монахе:

Но перед пастию дракона
Ты понял: крест и меч – одно [45, с. 137].

¹⁴ Название статьи А.А. Блока о Вл. Соловьеве из той же книги 1911 года “Сборник первый. О Владимире Соловьеве”.

¹⁵ Это издание сохранилось в римской библиотеке Вяч. Иванова.

* * *

Миф, по Вяч. Иванову, есть динамический модус символа, “символ, созерцаемый как движение” (статья “Заветы символизма” [20, т. II, с. 593–594]). Для него символ – подлежащее, а миф – его развертывание в действии¹⁶. Таким символом и является для Вяч. Иванова имя Светомира, и он, как пчела, подбирает к этому “подлежащему” соответствующие “глаголы” – те или иные сюжетные ходы, которые позволяют заискриться символу всеми его гранями.

Только что мы видели, как стал бестселлером роман Е.Г. Водолазкина “Лавр”, в определенной мере повторяющий прием Вяч. Иванова: уход в русское средневековье, стилизация под древнерусское житие или повесть, но в “неисторическом романе” Е.Г. Водолазкина (как определяет его жанр сам автор) читателя увлекает, прежде всего, сюжет – для него эта книга нечто вроде исторического фэнтези. В отличие от “Лавра”, в повести о Светомире важен не столько сюжет, сколько прикровенный интимно-мистический пласт, неочевидный для современного читателя, а потому им непрочитываемый. Чтобы адекватно интерпретировать прихотливые авторские ходы ивановская “Повесть”, несомненно, должна быть вписана в историософский контекст русской мысли конца XIX – начала XX столетия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. *Бондарь О.П.* Историософия Вячеслава Иванова. Дис. ... канд. истор. наук. Томск, 2001. [Bondar, O.P. *Istoriiosophia Vyacheslava Ivanova. Dis. ... kand. istor. nauk* [Historiosophy of Vyacheslav Ivanov. Cand. Philol. Sci. Diss]. Tomsk, 2001.]
2. *Полонский В.В.* Мифопоэтика и динамика жанра в русской литературе конца XIX – начала XX века. М.: Наука, 2008. – 288 с. [Polonsky, V.V. *Mifopoetika i dinamika zhanra v russkoj literature konca XIX – nachala XX veka* [Mythopoetic and Genre Dynamics in the Russian Literature of the End of the 19th – the beginning of the 20th centuries] Moscow: Nauka Publ., 2008. 288 p.]
3. *Топорков А.Л.* Источники “Повести о Светомире царевиче”: древняя и средневековая книжность и фольклор. М.: Индрик, 2012. – 496 с. [Toporkov, A.L. *Istochniki “Povesti o Svetomire tzareviche”*: *drevnija i srednevekovaja knizhnost’ i folklor* [Sources of Vyacheslav Ivanov’ “The Tale of Svetomir Tsarevitch”]: The Ancient and Medieval Book-Learning and Folklore]. Moscow: Indrik Publ., 2012. 496 p.]
4. *Иванов Вяч.* Эллинская религия страдающего бога. Фрагменты верстки книги 1917 г., погибшей при пожаре в доме Сабашниковых в Москве / Публикация Н.В. Котрелева // Эсхил. Трагедии: В переводе Вячеслава Иванова / Изд. подготовили Н.И. Балашов, Д.В. Иванов, М.Л. Гаспаров, Г.Ч. Гусейнов, Н.В. Котрелев, В.Н. Ярхо. М.: Наука, 1989. Сер. “Литературные памятники”. [Ivanov, Vyach. *Elliniskaja religija stradajushego boga. Fragmenty verstki knigi 1917 g., pogibshej pri pozhare v dome Sabashnikovyh v Moskve. Publikacija N.V. Kotreleva. Eshil. Tragedii: V perevode Vyacheslava Ivanova. Izd. podgotovili N.I. Balashov, D.V. Ivanov, M.L. Gasparov, G.Ch. Gusejnov, N.V. Kotrelev, V.N. Jarho* [The Hellenic Cult of the Suffering God. Extracts from the Proofs of 1917 Lost in the fire in the House of Sabashnikovs in Moscow. Publ. by Kotrelev, N.V. Aeschylus. Tragedies: translated by Vyacheslav Ivanov. Ed. prep. by Balashov, N.I., Ivanov, D.V., Gasparov, M.L., Gusejnov, G.Ch., Kotrelev, N.V., Jarho, V.N.]. Moscow: Nauka Publ., 1989. Ser. “Literary Monuments”.]
5. *Эллис.* Русские символисты: Константин Бальмонт. Валерий Брюсов. Андрей Белый. Томск: Водолей, 1996. [Ellis. *Russkie simvolisty: Konstantin Balmont. Valerij Brusov. Andrej Belyj* [Russian Symbolists: Konstantin Balmont. Valeriy Brusov. Andrej Bely]. Tomsk: Vodoley Publ., 1996.]
6. *Bowra C.M.* From Virgil to Milton. London, 1945.
7. *Дэвидсон П.* “The good humanistic tradition”: Диалог о мировой культуре между Вячеславом Ивановым и С.М. Баура // Вяч. Иванов – Петербург – мировая культура. Материалы международной научной конференции 9–11 сентября 2002 г. Томск – Москва: Водолей, 2003. [Davidson, P. [“The good humanistic tradition”: The Dialogue on the World Culture of Vyacheslav Ivanov and S.M. Bowra. Vyacheslav Ivanov – Petersburg – World Culture] *Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferenzii 9–11 sentiabria 2002* [Mat. Int. Conf. 2002 September 9–11]. Tomsk – Moscow, 2003.]
8. *Davidson P.* Vyacheslav Ivanov and C.M. Bowra. A Correspondence from two Corners on Humanism. Birmingham, 2006.
9. *Чернин В.К., Жаткин Д.Н.* Поэма Альфреда Теннисона “Улисс” в творческой интерпретации К.Д. Бальмонта // Знание. Понимание. Умение. 2010. № 4. [Chernin, V.K., Zhatkin, D.N. [The Poem of Alfred Tennyson “Ulysses” creatively interpreted by K.D. Balmont] *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skill], 2010, no. 4.]
10. Вячеслав Иванов: Неизвестные стихотворения и переводы (из рукописей Римского архива) / Публикация Д.В. Иванова и А.Б. Шишкина // Вячеслав Иванов: Материалы и публикации / Сост.

¹⁶ В статье «Экскурс. Основной миф в романе “Бесы”» Вяч. Иванов писал: “Миф определяем мы, как синтетическое суждение, где подлежащему-символу придан глагольный предикат. <...> Если символ обогащен глагольным сказуемым, он получил жизнь и движение; символизм превращается в мифотворчество” [20, т. IV, с. 437].

- Н.В. Котрелев / Историко-литературная серия. Вып. 1 / Новое литературное обозрение. 1994. № 10. [Vyacheslav Ivanov. [Unknown poems and translations (from the Autographs from the Rome Archive)]. Publ. by Ivanov, D.V., Shishkin, A.B.] *Vyacheslav Ivanov: Materialy i publikazii. Sost. N.V. Kotrelev. Istoriko-literaturnaja serija. Вып. 1. Novoe literaturnoe obozrenie* [Vyacheslav Ivanov: Materials and Publications. Compl. Kotrelev, N.V. Historical and philological series. Iss. 1. New Literature Review], 1994, no. 10.]
11. Теннисон А. Королевские идиллии / Полный стихотворный перевод О.Н. Чюминой. СПб., 1903. [Tennyson, A. *Korolevskie idillii. Polnyj stihotvornyj perevod O.N. Tchyminoj* [Idylls of the King. Complete Poetic Translation of Tchumina, O.N.]. St. Petersburg, 1903.]
  12. Кельтская мифология: Энциклопедия / Перевод с англ. С. Головой и А. Голова. М.: Эксмо, 2002. [Keltskaja mifologija: Ensiklopedia. Perevod s angl. S. Golovoj i A. Golova [The Celt Mythology: Encyclopaedia. Translated from English by Golova, S. and Golov, A.]. Moscow: Eksmo Publ., 2002.]
  13. Зайцев Б.К. Вячеслав Иванов // Зайцев Б.К. Собр. соч. Т. 6. М.: Русская книга, 1999. [Zajtzev, B.K. Vyacheslav Ivanov. *Zajtzev, B.K. Sobr.soch. T. 6* [Zajtzev, B.K. Collected Works. Vol. 6]. Moscow: Russkaya kniga Publ., 1999.]
  14. Иванов Д.В. Из воспоминаний // Вячеслав Иванов: Материалы и публикации / Сост. Н.В. Котрелев. НЛО. 1994. № 10. [Ivanov, D.V. [From the Memoires] *Vyacheslav Ivanov: Materialy i publikatzii. Sost. N.V. Kotrelev. Novoe literaturnoe obozrenie* [Vyacheslav Ivanov: Materials and Publications. Compl. Kotrelev, N.V. New Literature Review], 1994, no. 10.]
  15. Зайцев Б.К. Афон. Paris, 1928. [Zajtzev, B.K. *Afon* [Athos]. Paris, 1928.]
  16. Иванова Л.Н. Вячеслав Иванов – Борис Зайцев – Георгий Чулков (Из архивных разысканий) // Башня Вячеслава Иванова и культура Серебряного века. СПб., 2006. [Ivanova, L.N. [Vyacheslav Ivanov – Boris Zajtzev – Georgy Chulkov (From the Archive Searches)] *Bashnia Vyacheslava Ivanova i kultura Serebrianoogo veka* [Vyacheslav Ivanov's Tower and the Silver-Age Culture], St. Petersburg, 2006.]
  17. Вяч. Иванов. Письмо Борису Зайцеву о смерти Г. Чулкова / Публ. Ж. Шерона // Вячеслав Иванов: Материалы и публикации / Сост. Н.В. Котрелев / НЛО. 1994. № 10. [Vyach. Ivanov. [The Letter to Boris Zajtsev on the Death of G. Chulkov. Publ. by G. Sheron] *Vyacheslav Ivanov: Materialy i publikazii. Sost. N.V. Kotrelev. Novoe literaturnoe obozrenie* [Vyacheslav Ivanov: Materials and Publications. Compl. Kotrelev, N.V. New Literature Review], 1994, no. 10.]
  18. Житие святого Саввы Сербского // Жития святых на русском языке, изложенные по руководству Четьих-Миней Св. Димитрия Ростовского. Кн. 5. Январь. М., 2003. [Zhitie sviatogo Savvy Serbskogo [Life of Saint Savva of Serbia] Zhitija sviatyh na russkom jazyke, izlozhennye po rukovodstvu Chetjih-Minej Sv. Dimitrija Rostovskogo. Kn. 5. Janvar [The Lives of Saints in the Russian Language Related According to Chetji-Mineji of Saint Dimitriy of Rostov. Book 5. January]. Moscow, 2003.]
  19. Живот Св. Саве, написано Доментијан / Изд. Ђ. Даничџ. Београд, 1860. [Zhivot Sv. Save, napisano Domentijan. Izd. Danichj [Life of Saint Savva written by Domentijan]. Belgrad, 1860.]
  20. Иванов Вяч. Собр.соч.: В 4 т. Bruxelles, 1971–1987. [Ivanov, Vyach. *Sobr.soch.: V 4 t.* [Collected Works in 4 Vols.] Bruxelles, 1971–1987.]
  21. Вяч. Иванов. “Берлинские Письма” / Вступительная статья, подготовка текстов и примечания Ю.В. Зобнина // История и культура: Исследования. Статьи. Сообщения. Публикации. Вып. 9. СПб., 2012. [Vyach. Ivanov. [The Letters from Berlin. The Foreword, Texts prep., Comment. of Zobnin, Yu.V.] *Istorija i kul'tura: Issledovanija. Statji. Soobschenija. Publikatzii. Вып. 9* [History and Culture: Researches. Articles. Notes. Publications. Iss. 9], St/ Petersburg, 2012.]
  22. Иванов Вяч. <Интеллектуальный дневник 1888–1889 гг.> / Подготовка текста Н.В. Котрелева и И.Н. Фридмана, примечания Н.В. Котрелева // Вячеслав Иванов. Архивные материалы и исследования. М., 1999. [Ivanov, Vyach. [The Intellectual Diary 1888–1889. Texts prep. of Kotrelev, N.V., Fridman, I.N., Comment. of Kotrelev, N.V.] *Arhivnye materialy i issledovanija* [Vyacheslav Ivanov. Archive Materials and Researches]. Moscow, 1999.]
  23. Обатнин Г.В. Из материалов Вячеслава Иванова в Рукописном отделе Пушкинского Дома // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома. 1991. СПб., 1994. [Obatnin, G.V. [From the Materials of Vyacheslav Ivanov of The Autograph Department of The Pushkin House] *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo doma. 1991* [The Annual Bulletin of The Autograph Department of The Pushkin House. 1991]. St Petersburg, 1994.]
  24. Аверинцев С.С. “Скворечниц вольных граждан...”. Вячеслав Иванов: путь поэта между мирами. СПб.: Алетейя, 2001. – 176 с. [Averinzev, S.S. “Skvorechnitz vol'nyh grazhdanin...”. *Vyacheslav Ivanov: put' poeta mezhdu mirami* [“Skvorechnitz vol'nyh grazhdanin...”. Vyacheslav Ivanov: The Poet Way between the Worlds]. St. Petersburg, Aleteja Publ., 2001. 176 p.]
  25. Чајкановић В. Студије из религије и фолклора, СЕЗ, XXXI, 13. Београд, 1924.
  26. Чајкановић В. Мит и религија у Срба / Приредно В. Ђурић. Београд, 1973.
  27. Нидерле Л. Быт и культура древних славян. Прага. “Пламя”. 1924. [Niderle, L. *Byt i kul'tura drevnih*

- slavian* [Life and Culture of the Ancient Slavs]. Praga: Plamya Publ., 1924.]
28. Кондратьев А. Славянские Боги. Стихотворения на мифологические темы. Równe. “Druk. Feigla i Litwak”. 1936. [Kondratiev, A. *Slavianskie Bogi. Stihotvorenija na mifologicheskie temu* [The Gods of the Slavs. The Poems on the Mythological Subjects]. Równe, Druk. Feigla i Litwak Publ., 1936.]
  29. Сербский эпос / Пер. Н.М. Гальковского. М., 1916 (Памятники мировой литературы. Творения славян. Сербский народный эпос). [*Serbskij epос. Per. N.M. Gal'kovskogo* [The Serbian Epos. Translated by Galkovskiy, N.M.]. Moscow, 1916 (*Pamiatniki mirovoj literatury. Tvorjenja slavjan. Serbskij narodnyj epос* [World Literature Monuments. The Works of the Slavs. The Serbian Folk Epos]).]
  30. Панина А.Л. Архив издательства М. и С. Сабашниковых // Письма. Дневники. Архив: к 140-летию книгоиздателя М.В. Сабашникова / подгот. текста писем Т. Переслегина и С. Артюхов; описание арх. и сост. кат. А. Панина. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2011. [Panina, A.L. *Arhiv izdatel'stva M. i S. Sabashnikovyh. Pis'ma. Dnevniki. Arhiv: k 140-letiju knigoizdatelia M.V. Sabashnikova. Podgot. teksta pisem T. Pereslegina i S. Artjuhov; opisanie arh. i sost. kat. A. Panina* [The Archive of the Publishing House of M. and S. Sabashnikovs. Letters. Diaries. Archive: to the 140th Anniversary of the Publisher M.V. Sabashnikov. Letters Text prep. Pereslegina, T. and Artjuhov, S.; the Archive Descrip. and the Catalogue Compil. by Panina, A.]. Moscow: Publ. in honour of Sabashnikovs, 2011.]
  31. Сербский народный эпос / Вступит. ст. и пер. Н. Гальковского. Сумы, 1897. [*Serbskij narodnyj epос. Vstupit. st. i per. N. Gal'kovskogo* [The Serbian Folk Epos. The Foreword and Translation of Galkovskiy, N.]. Sumy, 1897.]
  32. Вяч. Иванов. Избранная переписка с сыном Дмитрием и дочерью Лидией // Символ. 2008. № 53–54. [Vyach. Ivanov. [Selected Correspondence with son Dimitriy and daughter Lidia] *Simvol* [Symbol], 2008, no. 53–54.]
  33. Переписка Вячеслава Иванова с Ольгой Шор / Предисл. А.А. Кондюриной, публикация А.А. Кондюриной, Л.Н. Ивановой, Д. Рицци, А.Б. Шишкина // Русско-Итальянский Архив III. Вячеслав Иванов – Новые материалы / Сост. Д. Рицци, А. Шишкин. Салерно, 2001. [Correspondence of Vyacheslav Ivanov with Olga Shor. The Foreword of Kondurina, A.A., Publ. of Kondurina, A.A., Ivanova, L.N., Rizzi, D., Shishkin, A.B.] *Russko-Italianskij Arhiv III. Vyacheslav Ivanov – Novye materialy. Sost. D. Rizzi, A. Shishkin* [The Russian-Italian Archive III. Vyacheslav Ivanov – New Materials. Compil. of Rizzi, D., Shishkin, A.]. Salerno, 2001.]
  34. Аничков Е.В. Последние работы по славянским религиозным древностям // Slavia (Praga). Rocn. 2. 1923. Sesit 3. S. 527–547; 1924. Sesit 4. S. 765–778. [Anichkov, E.V. [The Last Researches on Slavic Religious Antiquities] *Slavia* (Praga). Rocn. 2. 1923. Sesit 3. S. 527–547; 1924. Sesit 4. S. 765–778.]
  35. Аничков Е.В. Западные литературы и славянство. Т. I–II. Прага, 1926. [Anichkov, E.V. *Zapadnye literatury i slavjanstvo. T. I–II* [The West Literatures and Slavdom. Vol. I–II]. Praga, 1926.]
  36. Шишкин А.Б. Переписка В.И. Иванова и И.Н. Голенищева-Кутузова // Europa Orientalis. 1989. № 8. [Shishkin, A.B. [Correspondence of V.I. Ivanov and I.N. Golenishev-Kutuzov] *Europa Orientalis*, 1989, no. 8.]
  37. Голенищев-Кутузов И.Н. Благодарю, за всё благодарю: Собрание стихотворений / Сост., подг. текста, примеч. И. Голенищевой-Кутузовой. Предисл. С. Гардзонио. Писа–Томск–М., 2004. [Golenishev-Kutuzov, I.N. *Blagodarju, za vse blagodarju: Sobranie stihotvorenij. Sost., podg. teksta, primеч. I. Golenishevoj-Kutuzovoj. Predisl. S. Gardzonio* [I'm thankful, thankful for everything: Collected Poems. Compil., Text prep., Comments of . Golenisheva-Kutuzova, I. The Foreword of Gardzonio, S.]. Pиса–Томск–Moscow, 2004.]
  38. Поэзия славян. Сборник лучших поэтических произведений славянских народов в переводах русских писателей / Под ред. Н.В. Гербеля. СПб., 1871. [*Poezija slavjan. Sbornik luchshih poeticheskikh proizvedenij slavianskikh narodov v perevodah russkikh pisatelej. Pod red. N.V. Gerbelia* [The Poetry of Slavs. Collection of the Best Poetic Works of Slavic Peoples in Translations of the Russian Writers. Gerbel, N.V. (Ed.)]. St. Petersburg, 1871.]
  39. Жирмунский В.М. Народный героический эпос: Сравнительно-исторические очерки. М.–Л., 1962. [Zhirmunskij, V.M. *Narodnyj geroicheskij epос: Sravnitel'no-istoricheskie ocherki* [The Folk Heroic Epos: Comparative-Historical Reviews]. Moskva-Leningrad, 1962.]
  40. Контева Г. Последняя переводческая работа Николая Заболоцкого // Сибирские огни. 2009. № 7. [Kopteva, G. [The Last Translation Work of Nikolay Zabolotzkij] *Sibirskie ogni* [Siberian Lights], 2009, no. 7.]
  41. Заболоцкий Н. Собр. соч.: В 3 т. Т.1. М.: Художественная литература, 1983. [Zabolotzkij, N. *Sobr. soch.: V 3 t. T. 1* [Collectes works in 3 vols. Vol. 1]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1983.]
  42. Халанский М.Г. Южнославянские песни о смерти Марка Кралевича // Статьи по славяноведению / под ред. академика В. И. Ламанского. Вып. I. СПб., 1904. [Halansky, M.G. [The South-Slavic Songs on the Death of Mark Kralevitch] *Statji po slavianovedeniju. Pod red. akademika V.I. Lamanskogo. Vyp. I* [Articles on Slavic Studies. Lamanskiy, V.I., Akad. (Ed.), Iss. I]. St. Petersburg, 1904.]
  43. Веселовский А.Н. Опыты по истории развития христианской легенды (II. “Легенда о возвращающем-

- ся императоре”) // ЖМНП. CLXXIX. 1875, май. [Veselovsky, A.N. [Experiments on The Developing History of a Christian Legend (II. The Legend on the Returning Emperor)] *Zhurnal Ministerstva Narodnogo Prosveteniya* [The Journal of The Ministry of National Education], CLXXIX, 1875, May.]
44. *Миллер О.* О славянских народных песнях // Поэзия славян. Сборник лучших поэтических произведений славянских народов в переводах русских писателей / Под ред. Н.В. Гербеля. СПб., 1871. [Miller, O. [On the Slavic Folk Songs] *Poezija slavian. Sbornik luchshih poeticheskikh proizvedenij slavianskih narodov v perevodah russkikh pisatelej. Pod red. N.V. Gerbelia* [The Poetry of Slavs. Collection of the Best Poetic Works of Slavic Peoples in Translations of the Russian Writers. Gerbel, N.V. (Ed.)]. St. Petersburg, 1871.]
45. *Соловьев Вл.* Стихотворения и шуточные пьесы / Вступит. статья, сост. и примеч. З. Г. Минц. Л.: Советский писатель, 1974. (“Библиотека поэта”). [Solovyov, Vl. *Stikhotvoreniya i shutochnye piesy. Vstupit. statya, sost. i primech. Z. G. Mints* [Poems and Comic Plays. The Foreword, Compil., Commrnt. of Mints, Z.G.]. Leningrad, Sovetskiy pisatel Publ., 1974. (Ser. “Poetic Library”).]
46. *Иванов В.* Религиозное дело Владимира Соловьева // Сборник первый. О Владимире Соловьеве. М., 1911. [Ivanov, V. [Religious Work of Vladimir Solovyov] *Sbornik pervyj. O Vladimire Solovyove* [The First Collection. On Vladimir Solovyov]. Moscow, 1911.]
47. *Бердяев Н.А.* Проблема Востока и Запада в религиозном сознании Вл. Соловьева // Сборник первый. О Владимире Соловьеве. [Berdiaev, N.A. [The Problem of East and West within the Religious Consciousness of Vl. Solov'ev] *Sbornik pervyj. O Vladimire Solovyove* [The First Part. On Vladimir Solovyov]. Moscow, 1911.]